

СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

СОЛО ДЛЯ БАСА С
БАБОЧКОЙ И ВО ФРАКЕ

...В оперном театре американского города Филадельфия звучал «Борис Годунов» Мусоргского. Ведущую партию исполнял солист Тбилисского театра оперы и балета имени З. Палиашвили Паата Бурчуладзе. Состоялась и пресс-конференция, но не после спектакля, а еще до него, на которой советскому певцу мэр Филадельфии вручил памятный сувенир — символический ключ города с колокольчиком. «Отныне наши ворота для вас всегда открыты», — сказал мэр, широко улыбаясь гостю перед объективами теле- и фотокамер.

Густо обволакивающий бас Пааты — Годунова, вызвавший рукоплескания изобретательно отделанных вечерних платьев и безупречных смокингов, стал в те мартовские дни обильной пищей для филадельфийских гурманов от оперного искусства. Местная фирма по производству шоколада оперативно и предпринимчиво отреагировала на событие, выпустив плитку с надписью — «В честь дебюта Пааты Бурчуладзе в Филадельфийской опере». Знаки внимания сыпались как из рога изобилия. Пресса источала восторг устами лучших профессиональных критиков.

Обнаружился и такой нюанс. Вместе с Бурчуладзе в «Борисе Годунове» в тот вечер были заняты оперные звезды Англии, Голландии и США. А почему-то устроили пресс-конференцию только с Паатой.

— Возможно, это объясняется тем, что я представлял ведущую партию, — полагает наш собеседник, — а, может быть, и потому, что в прошлом году я уже пел в Филадельфии, правда, не в спектакле: исполнялся «Реквием» Верди. Приехал я тогда в США впервые, по приглашению изумительного, всемирно известного тенора Лючано Паваротти. Дело в том, что до того я стал одним из победителей конкурса, носящего его имя. Конкурс устраивается в четыре года раз в США. У меня в свое время не было возможности принять участие в нем из-за ненадежности культурного обмена, поэтому победителем я был провозглашен заочно. И вот Паваротти, спустя какое-то время, пригласил меня как одного из лауреатов. Реквием мы исполнили в таком составе: меццо-сопрано — Илдико Комлоши из Венгрии, американка Сюзанн Дан — сопрано, сам Лючано Паваротти и ваш покорный слуга. Думаю, получилось недурно. По крайней мере, меня пригласили снова...

...В начальных классах средней школы мама отвела его в детский хор. Руководительница хора послушала мальчика, а потом вдруг пожала плечами и удивленно сказала: «Простите, но у него мужской голос, в детском хоре ему делать нечего...».

— Когда я стал постарше, то определил для себя, что хочу быть строителем, как отец. Готовил себя к поступле-

нию на инженерно-строительный факультет ГПИ. Родители не возражали, но хотели, чтобы я себя попробовал и в вокале. «Нет уж, — возражал я. — Хватит с меня семилетней войны с фортепиано. Да еще ходить по сцене с бабочкой на шее, краской заливать себя. Спасибо!».

Паату отвлек телефонный звонок. Звонили журналисты из Москвы. Ну, Александровна, мама, подошла к столу, за которым мы сидели, и шепнула «Он,

но какое-то нелепое ощущение неловкости оставалось. Страдал «комплексом сцены», не мог заставить себя выступать перед аудиторией. Дважды, чтобы избавиться от мучений, бежал с концертов. В первый раз это было, когда нас, учащихся десятилетки, пригласили на телевидение. Мое положение усугубилось тем, что передача предстояла, как назло, прямая. После предварительной студийной репетиции мои переживания достигли апогея, и, не дожидаясь, пока меня

видите ли, фрак терпеть не мог, побеги с концертов устраивал. Хотите кофе?».

Насчет «побегов» я не сразу понял...

— Было такое. Что делать, у каждого возраста свои странности. Семилетку я окончил, так? А тут еще меня мама с отцовского одобрения за ручку отвела в музыкальную десятилетку, при нашей же, 24-й средней школе, учиться по классу вокала — это когда я в девятый переходил. Прямо к Диззи Иосифовичу Хелашвили, великоленному человеку и педагогу. Вот уж правда чудесный преподаватель! Общение с ним — одно удовольствие. Но я стоял на своем. Два года остается до окончания школы, мечтаю о профессии инженера — строителя, а я тут вокальной техникой занимаюсь. Диззи Иосифович, однако, ненавязчиво и тактично заставил меня понять и полюбить оперное искусство. Постепенно стал вроде привыкать,

объявят в эфире, и незаметно исчез.

Второе бегство, не менее ужасное по своему характеру, и, как нетрудно понять, последствием, состоялось из Малого зала консерватории. Отчетный концерт молодых музыкантов, увы, привлек внимание не только профессоров консерватории, но и троих моих насмешливых одноклассников. Не знаю, кто им мог о концерте сообщить, но я их не приглашал. Из вокалистов был я один, остальные все — скрипачи, пианисты... Начались выступления. Гляжу через открытую дверь — сидят, слушают с серьезной миной на лицах. Сразу подумал, как они завтра будут о моем «торжественном выходе» рассказывать в школе. Второго мнения не было: бежать.

— А эстрадные жанры вас не привлекали? В юношеском возрасте, и не только, обычно ими вплотную интересуются...

— Естественно, привлекали. У нас в школе был очень

популярный самодеятельный дуэт электрогитаристов. Слушатели — школьники и учителя помоложе — относились к дуэту, должен вам сказать, не без интереса и уважения, что, в первую очередь, объяснялось заимствованием ряда известных вещей у Фрэнка Синатры. Дуэт — это два одноклассника: я и Дмитрий Твилдиани, который мечтал о карьере Пола Маккартни, но стал «всею лишь» превосходным кардиологом и даже докторскую уже защитил. Два года мы играли на всех школьных вечерах, однажды умудрились даже дать сольный концерт.

— «Комплекс сцены» не мешал?

— Нет. Как «эстрадника», я себя воспринимал иначе, к тому же у меня были единомышленники. Вообще, об отношении к эстраде у меня почему-то не спрашивают. А зря. Это очень приятная область искусства. Однако, к сожалению, у нас в стране сегодня уровень эстрады во многих случаях непозволительно низок. Нет настоящего профессионализма, собственных интонаций. Кому нужно повторение западной музыки с опозданием на пятнадцать лет, да к тому же в недоброкачественном виде? Лучше уж слушать Эрика Клаптона, Стиви Вандера, Майкла Джексона, Лайонелла Риччи в оригинале. Кстати, они среди моих любимых исполнителей. Есть у нас ансамбли, которые я искренне уважаю. Это — «Иверия» со своим жизнерадостным характером, естественным обликом и талантливыми авторами.

...Лето 73-го было самым жарким в его жизни. Почти одновременно держал экзамены в политехнической и консерваторию...

— В музыкальный вуз я поступал уже по собственному желанию, научившись к тому времени серьезнее смотреть на вещи. В ГПИ тоже поступил — на вечернее отделение, и больше налегал на эстетические предметы. Три года в консерватории учился не то чтобы нехотя, но и без особого усердия. Выбрали, однако, меня секретарем комитета комсомола. Наверно потому, что голос был поставлен. Ну, ладно. Готовился тогда к постановке на сцене оперной студии учебный спектакль — опера Гуно «Фауст». Я был на третьем курсе. Партию Мефистофеля велено было исполнить мне, секретарю комитета комсомола Паате Бурчуладзе, которому пора, мол, активнее участвовать в учебных постановках.

Что ж, сделали мы все как следует, наступил день премьеры. Начался спектакль, по потихонечку свою басовую партию, стараюсь особенно не «высовываться». И все же не удержался, когда подошел черед куплетов Мефистофеля. Не успела ария закончиться, господи, что тут началось. Зал, казалось, ходуном ходит, студенты и преподаватели устроили скандирование. Реакция меня сначала изумила, даже оторопь какую-то вызвала. Но только в первые мгновения. А потом... Участь моя была решена. Хотя, повторю снова, оперным певцом я по-прежнему реально себя до того дня не представлял. Оказывается, аплодисменты способны действовать магически. Профессорские «браво» вынудили меня устыдиться былых сомнений и ворчанья. Теперь я носился с новой идеей — бросить политехнический и основательно заняться пением... Но дома вновь поднялся невообразимый переполох! «Ничего страшного — справишься. Пусть будут у тебя две профессии, мало ли что, вдруг голос сорвешь?!». Во избежание проблем со здоровьем близких я сдался в очередной раз. И после столь беспокойной жизни, преодолев все сомнения, тяжесть ночных бдений за чертежами и трудности с расширением голосового диапазона у большого

черного рояли, принес домой два диплома, вручив один из них ученому с техническим образованием — отцу, а другой — пианистке, некогда преподававшей музыку, — маме...

— А что?! Подвижническая деятельность ваших родителей была настолько же безукоризненной, насколько и целеустремленной...

— Как и старания Диззи Иосифовича, моего педагога. Я понял, что все они были правы, ибо угадали во мне нечто такое, о чем я подозревать не мог. Но мне пришлось и доучиваться: я обнаружил, что у меня слабовато с камерным репертуаром. Помогли занятия в Одессе с молодым, но очень компетентным специалистом, пианисткой Людмилой Ильиничной Ивановой и ее мужем, прекрасным басом, Евгением Николаевичем Ивановым.

Прошло какое-то время. Паата с блеском победил в престижном конкурсе имени Чайковского, ставшем для него новой большой школой. Впереди были яркие творческие цели.

В Тбилиси тем временем уже шла работа над постановкой премьеры — оперы Отара Тактакишвили «Похищение луны». Основным исполнителем басовой партии — старого деда Таризла — был народный артист Грузии Тенгиз Мушкудиани, дублером — Паата Бурчуладзе. Планировались три премьерных спектакля, и во всех должен был петь Мушкудиани. После одной из репетиций он предложил: «А что, если в первом же спектакле дадим спеть нашему молодому Паате?! Пора ему начинать. Почему бы не с премьеры?».

— Это предложение не нашло поддержки. Не важно — почему. Главное для меня было почувствовать доверие старшего товарища, услышать, что и на меня рассчитывают. В двух первых спектаклях пел Тенгиз Мушкудиани. Я слушал его с радостью, а из головы не выходило его слова: «Готовься к третьему спектаклю, а я позволю в оперу и скажу, что «заболел». Придется петь тебе. Не знаю, как в целом, но по отношению к тебе это будет честно. Готовься...». Я испытывал неловкое чувство, пытался воспротивиться, но...

Так и состоялся мой дебют, изобретательно организован альный Тенгизом Мушкудиани. Кстати, этот факт я впервые предаю гласности. Не забуду и теплой поддержки ныне покойного, очень любимого мною Ираклия Шушания, который помогал мне готовить партию, и Тамаза Лаперашвили. Всем им я очень благодарен.

У народного артиста республики, лауреата премии комсомола Грузии Пааты Бурчуладзе на календаре гастролей — 1991 год. Все зарубежные выступления к тому времени уже расписаны по дням и месяцам. Если даже поступят новые приглашения, то и в 1990 году для них нет «окна».

— Я счастлив, что удостоился чести петь вместе с самыми яркими звездами современности — Лючано Паваротти и Ренато Брузо, Николло Мартинуччи и Катей Ричарелли, Марией Кьяре. Конечно, приятно сознавать, что только в Ла Скала состоялись четыре премьеры с моим участием.

...В начале мая Паата Бурчуладзе вновь отправился в зарубежные гастроли, которые обычно начинаются с его дома в Тбилиси, на проспекте Мира. В Лондоне уже состоялась запись на грампластинку оперы Верди «Эрнани» вместе с солисткой «Ковент-гарден» меццо-сопрано Джоан Садерленд и все с тем же знаменитым Паваротти. Когда человеку одинаково дорого искусство взаимоотношений и взаимоотношение искусств, ему надо трижды пожелать: «Творческих удач!».

Беседу вел
Нодар Броладзе.

Фотографировал
Валерий Соколов.